

Корзенко Г.В.,
БГПУ имени Максима Танка,
г. Минск, socgum@bspu.by

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В НАУКЕ БЕЛАРУСИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА 1930-х ГОДОВ.

Рубеж 1929–1930 гг. ознаменовался «взрывом» внимания партийных и советских органов к проблеме кадров вообще и научных в частности. XII съезд КП(б)Б (февраль 1929 г.), заостряя внимание на важнейшем направлении социалистического строительства, наметил пути форсированной подготовки новых кадров [12, с. 108–110]. 1 июля 1929 г. секретариат ЦК КП(б)Б обсудил вопрос «Об аспирантуре в БССР», количественный, социальный и партийный состав которой был признан неудовлетворительным [14, л. 61]. Хотя этот документ упоминался в работах белорусских историков, но все же содержательная его часть неизвестна широкой научной общественности. Поэтому мы приведем его в подлиннике при незначительном сокращении.

Из резолюции решения секретариата ЦК КП(б)Б: «1. Общее положение неудовлетворительное. Подготовка проводилась стихийно, без всякого контроля и перспективного плана. 2. Совсем неудовлетворительный состав аспирантов по партийности: по БГУ (партийных и комсомольцев) – 18 чел. (46%), по всем учреждениям НКПР – 40 (56%), по Академии наук – 3 (18%), по НИИ – 8% (26). Всего по БССР – 51 (41%), Академии сельскохозяйственных наук – 16 (73%). 3. Также плохой состав аспирантов по социальному положению. По БГУ группа служащих составляет 17 чел. (46%), других – 2 чел. (5%). По Академии наук служащих – 10 чел. (46%), других – 4 (18%). Всего по БССР было: рабочих – 16 чел. (13%), крестьян – 69 (56%), служащих – 29 (23%), других 10 – (8%). 4. Более менее удовлетворительный состав аспирантов был в отношении национальности: всего по БССР белорусов – 87 чел. (69%), евреев – 20 чел. (16%), русских 10 чел. (9%), поляков – 2 чел. (3%), других – 5 чел. (4%). 5. По полу большинство аспирантов мужчины. Всего 103 чел. – мужчины (83%) и 21 женщина (17%)... 7. Главнаука до сего дня не имеет перспективного плана подготовки в соответствии с потребностями возрастающего социалистического сектора нашего хозяйства и культурной революции. Распределение аспирантов до весны 1929 г. носило случайный характер. Например, больше всего аспирантов имелось по лингвистическим наукам – 22 чел. (18%), тогда как по другим наукам численность аспирантов не превышала 17 чел. (14%), в большинстве случаев колебалась в пределах 4–9 чел. или 2–7%. 8. Организовывая обучение аспирантов, Главнаука вообще не занималась изучением подготовки аспирантов в других республиках Советского Союза. 9. В Главнауке не велся действенный учет труда

аспирантов. За весь период, до весны 1929 г., поступили в Главнауку отчеты в следующем количестве. По Главнауке – 8, Академии сельского хозяйства – 18, БГУ – 18, Ветеринарному институту – 3. Таким образом, поступило 47 отчетов, тогда как по БССР имелось 124 аспиранта, 77 чел. не представили никаких отчетов...11. Так же Главнаука не имеет программ по всем кафедрам, где готовились аспиранты. Есть основания думать, что эти программы отсутствовали и в учебных и в научно-исследовательских институтах» [14, л. 49–50].

В итоге было принято развернутое постановление, во многом определившее практику кадровой работы и воспитания на перспективу. Полная ответственность за количественный и качественный состав, классовый отбор и научную подготовку возлагалась на Народный комиссариат просвещения. Руководству вузов и НИИ предлагалось обратить особое внимание на увеличение количества аспирантов за счет пролетарских слоев населения, намечалось иметь среди них партийную прослойку не менее 50%. В целях лучшего планирования подготовки научных работников было признано целесообразным, чтобы каждый вуз и научный институт республики оставляли аспирантов согласно плану и исходя из своих потребностей в квалифицированных кадрах.

В комплекс мероприятий по улучшению деятельности аспирантуры входило: создание при Главнауке аспирантской комиссии, в составе председателя Главнауки, представителя аспирантского бюро при секции научных работников, а также представителей аспирантских комиссий при учебных и научных учреждениях; конкретизация планов подготовки аспирантов по годам; учреждение института студентов-выдвиженцев, из числа которых готовились кандидаты в аспирантуру [14, л. 61]. Их отбор осуществляла профессура совместно с общественностью, начиная с 3 курса, из наиболее способных студентов пролетарского происхождения. Особо обращалось внимание на политическую и идеологическую подготовку выдвиженцев: они должны были овладеть марксистской методологией, чтобы во время учебы в аспирантуре самостоятельно применять ее в научной работе. Студенты-выдвиженцы получали материальные льготы (повышенная стипендия) и улучшенные условия для занятий. Данная форма подготовки к научной деятельности просуществовала до 1933 г. и говорить о большой эффективности не приходится. Архивные материалы по этому периоду скудны и обрывочны. Несомненно одно: немногочисленные студенты-выдвиженцы работали серьезно над повышением своего теоретического багажа.

В числе первых студентов медиков-выдвиженцев были Л.И. Канторович и М.И. Коваленок. Они детальнее, чем другие студенты, знакомились с избранной дисциплиной. Им предоставлялось преимущественное право пользоваться библиотекой и лабораториями. Руководители кафедр в конце каждого семестра представляли отчеты об их работе. Если студенты заканчивали медицинский факультет, успешно выполнив план подготовки в аспирантуру, их зачисляли в ее состав. В

Национальном архиве Республики Беларусь в фонде Медицинского института сохранился отчет выдвигенца В.Я. Лайкевича по кафедре неорганической и физико-коллоидной химии. В отзыве, подписанном заведующим кафедрой профессором Н. Ф. Ермоленко, отмечалось: «Т. Лайкевич после оставления его при кафедре в качестве выдвигенца сразу же приступил к систематической разработке курса неорганической химии. Наряду с общетеоретической подготовкой он работает с 1.УП.1932 в качестве лаборанта. Такая параллельная теоретическая и практическая работа дала возможность ему за ограниченно короткий срок хорошо ориентироваться в неорганической и некоторой степени и аналитической химии. Такая подготовительная работа значительно облегчает ему работу на протяжении аспирантского стажа» [17, л. 23].

Обучение на биологическом отделении Калининского педагогического института окончательно определило интерес к «молодой науке» химии у студента Н.С. Козлова. Особую роль сыграл профессор С.Г. Крапивин. Являясь выдвигенцем или кандидатом в аспиранты, Николай Семенович вел научную работу в химическом кружке. Здесь написал свою первую статью «Каталитические реакции в школе», опубликованную в журнале «Химия и биология в школе». В дальнейшем аспирантуру ученый проходил в МГУ под руководством основателя теории катализа академика Н.Д. Зелинского. Остался в его лаборатории, где работал над проблемой получения синтетической нефти. С его именем связана разработка в 1930-е гг. синтетического каучука. «Под влиянием Н.Д. Зелинского в то время у меня выработалось творческое отношение к науке, – вспоминал впоследствии ученый. – Он прививал всему своему окружению неукротимую жажду к исследованиям, вечное стремление к познанию нового, умение использовать открытое в народном хозяйстве. Мне думается, что всем своим хорошим в науке я обязан Николаю Дмитриевичу, своему дорогому учителю» [8]. Став доктором химических наук в 28 лет, академиком АН БССР (1966), Н.С. Козлов внес большой вклад в становление и развитие отечественной химической науки (автор более 700 научных работ, в т. ч. 7 монографий, 98 изобретений) [20, с. 90].

Обсуждение на бюро ЦК КП(б)Б (февраль 1930 г.) вопроса о положении Белорусской сельскохозяйственной академии выявило существенные недостатки с пополнением квалифицированными кадрами старейшего учебного заведения [11, с. 6–20]. При резком росте количества молодых ученых (1929 г. – 24 аспиранта, 1930 г. – 53) качественный же уровень этого процесса не соответствовал требованиям государственной политики о коренизации научных работников. Некоторые кафедры формально относились к составлению учебных программ. Даже для аспирантов набора ранних лет было составлено и утверждено всего 9 программ; составлено, но не утверждено – 11; совсем не составлено – 5. У вновь зачисленных 18 человек программы отсутствовали вообще. Большинство имевшихся документов не отвечали современным требованиям. Руководство подготовкой было поставлено плохо как со стороны учебной

части академии, так и со стороны отдельных кафедр. Исследовательская работа аспирантов шла самотеком без соответствующего контроля. Бюро ЦК КП(б)Б признало общее состояние работ по подготовке новых научных кадров неудовлетворительным [11, с.6].

Проблема кадров, важная для советского строительства, активно обсуждалась на страницах газет и журналов [2; 3; 22; 33; 37; 41]. Широкая дискуссия развернулась по вопросам улучшения качества и расширения количественно подготовки научно-исследовательских и педагогических работников. Здесь присутствовали порой полярные точки зрения на пути дальнейшего совершенствования всей системы подготовки. Тем не менее авторы сходились в одном – сама система должна быть эффективной и дать республике новые квалифицированные кадры специалистов. «У нас почему-то мало говорят о подготовке научных кадров, считая это не сложным вопросом, – считал А. Яворский, – На мою мысль, этот вопрос на сегодняшний день приобретает очень большую серьезность в связи с тем, что подготовка научных кадров требует значительно больше времени, средств и научного руководства. До последнего времени делом подготовки научных кадров мало интересовались наши руководящие органы и ограничивались только общими директивами. Необходимо вокруг этого сформировать общественную мысль и со всей серьезностью взяться за работу по подготовке научных кадров для нашего растущего социалистического хозяйства» [41, с. 17–18].

Не только мало внимания обращалось на подбор аспирантов, но и «...само руководство научной деятельностью было не соответствующим: не случайно 30% всей аспирантуры не получало научного руководства» [41, с. 18]. Серьезную озабоченность высказывает автор реальным планированием темпов роста аспирантуры в перспективе. Как же эта проблема будет решена? Соответственно расчетным данным, общая численность аспирантов в 1932–1933 гг. возрастет до 1600 чел. (с 200 в 1929/30 гг.), т.е. увеличится в 8 раз. По отдельным секторам: по индустриально-техническому сектору рост аспирантов увеличится почти в 50–60 раз. Общая численность здесь обучающихся возрастет с 10 (1929/30 гг.) до 500–600 чел. При этом, замечает автор, надлежащий эффект будет получен значительно позже, в 1935–1936 гг. И только при условии, что кроме аспирантуры будут и другие источники подготовки кадров (специалисты из других республик). По сельскохозяйственному сектору численность возрастает в 6 раз [41, с. 20].

Говоря о системе подготовки кадров для сельского и лесного хозяйства, Я. Агеев выделяет в первую очередь «общетеоретическую и специальную, которым следует придать большое значение не только самим аспирантам, но и отделам и учреждениям, которые должны быть заинтересованы в ней и должны создать условия для нормальной работы в семинарах» [2, с. 27]. А. Прокопчук и В. Щербаков затронули проблемы, связанные с комплектованием аспирантуры республики, ее социальным и партийным составом, поиском талантливой молодежи [22; 37 с. 33–41]. Последний писал: «Весь вопрос заключается в том, чтобы найти те молодые

силы, которые могут быть использованы нами в научной работе и из которых получится что-то полезное в будущем. Но этот вопрос надо ставить по-новому. Нужно, во-первых, отбросить всякую формалистику в наборе новых кадров для научной работы. На эту работу необходимо взять всех тех, кто действительно сможет проявить себя в будущем, кто подает надежды в этом отношении уже сейчас. Есть у нас немало молодых работников, разбросанных по всем углам Советской Беларуси, которые готовы к этой работе. Таких работников нужно выявить, создать условия для их работы, закрепив за соответствующими учреждениями» [39, с. 26]. Необходимо поставить вопрос и о привлечении к научной работе более широких кадров. Таким путем мы в конце-концов придадим нашей научной работе новое направление, мы выйдем из наших научных кабинетов на широкий простор научной деятельности» [39, с. 27].

Огромная потребность в специалистах во всех отраслях хозяйственного и культурного строительства, развертывание сети вузов и втузов, научно-исследовательских учреждений создали чрезвычайно напряженную ситуацию в деле обеспечения высших учебных заведений научными работниками – констатировалось в решении секретариата ЦК КП(б)Б «Об обеспечении научными кадрами вузов и втузов» (сентябрь 1931 г.) [5]. Выход из создавшегося положения партийные руководители видели в «...привлечении аспирантов к педагогической работе, в объеме, который не мешал их научной подготовке, быстрейшей подготовке новых научных кадров, привлечении коммунистов для руководства подготовкой аспирантов, в первую очередь, по истории Беларуси, истории КП(б)Б, белорусской литературе и др.» [4]. Речь шла и об «освобождении всех научных работников-коммунистов от тех общественных нагрузок, собраний, командировок и кампаний», чтобы они имели «возможность на протяжении года не менее одного месяца (без учета отпуска) полностью заняться научно-исследовательской работой и повышением своей квалификации...» [4]. Эти задачи были конкретизированы в передовой статье «О научных кадрах» газеты «Звезда» от 28 сентября 1931 г. [1].

Аспирантура становилась основной формой подготовки молодых ученых, ей обеспечивалась приоритетная поддержка государства [21]. Впервые был подготовлен перечень специальностей, по которым оставались аспиранты. Он включал 96 наименований, в том числе БГУ готовил специалистов по 42 наименованиям; Белорусская сельскохозяйственная академия – 36; НИИ педагогики и педологии – 1; Главнаука – 1 [14, л. 26–27]. Финансовые расходы на обучение аспирантов в 1931 г. составили 955,3 тыс. рублей против 193 тыс. руб. в 1929–1930 гг., т.е. выросли на 395%. Количество аспирантов в вузах и научно-исследовательских учреждениях планировалось увеличить до 394 чел. (1929 г. – 152 чел.), т.е. более чем в 2 раза. Ставка стипендии возросла со 120 до 200 рублей. Вводилась статья расходов на командировки для аспирантов [23, с. 99]. В целом за годы первой пятилетки из 27,6 млн. руб., затраченных на

научно-исследовательскую работу в Беларуси, непосредственно на подготовку аспирантов выделялось 3,2 млн. рублей [7, с. 73].

Система профессиональной подготовки молодых ученых получила законодательное оформление. С целью усиления планомерности работы Совнарком республики 23 декабря 1930 г. сконцентрировал подготовку аспирантов при Белорусской Академии наук по следующим дисциплинам: социально-историческим, литературно-языковым, природоведческим, математическим, теоретической экономике и теоретических предметах. По истории партии – в Институте истории партии. Подготовку аспирантов по всем остальным дисциплинам оставил при соответствующих учреждениях. Научное и методическое управление этим процессом возлагалось на Народный Комиссариат просвещения [24].

Существенные изменения в механизм воспроизводства научных и преподавательских кадров внесли постановления СНК БССР «О подготовке аспирантов» (25 сентября 1932 г. и 2 июня 1933 г.) [25; 26; 27]. Каждый аспирант в течение первого года обучения должен был не менее двух раз выступить на научных конференциях, раз в полугодие специальные комиссии проверяли знания аспирантов и только по их заключению они переводились на последующие курсы, им запрещалось совместительство. Директивными органами было принято закрепление аспирантов за кафедрами, установлены для них научные задания и индивидуальные планы. Вводилась обязательная сдача зачетов, а по окончании обучения защита диссертации. Для упорядочения подготовки высококвалифицированных кадров был определен более широкий круг учреждений (9 НИИ и 11 вузов), установлены профили специальностей для каждого аспиранта и программы обучения, вводилось положение о научном руководстве аспирантами, признано необходимым посылать в аспирантуру вузов и втузов союзных республик не более 20% общего контингента аспирантов с последних курсов и в первую очередь по физике, математике, технологии, химии, геологии, экономике, истории, философии, языку и праву. Устанавливался дифференцированный размер стипендии от 175 до 300 руб. в месяц (1933).

Способствовать профессиональному росту было призвано введение ученых степеней и званий (упразднены в 1918 г.): им отводилась роль стандартов научной квалификации. Вышедшее в январе 1934 г. постановление Совнаркома СССР «Об ученых степенях и званиях» устанавливало наличие двух степеней (кандидат и доктор наук), которые «определяли квалификацию данного лица в области определенной научной дисциплины по объему знаний, степени самостоятельности его научной работы и ее научному значению» [29]. Вводились ученые звания ассистента, доцента, профессора в вузах, младшего и старшего научного сотрудника в НИИ. Постановлениями СНК СССР от 20 марта 1937 г. и 26 апреля 1938 г. регламентировался порядок публичной защиты кандидатских и докторских диссертаций, основные требования, предъявлявшиеся к их качеству и условия, позволявшие присваивать лицам, имевшим научные труды и заслуги, ученые звания [30;31]. В марте 1939 г. СНК СССР утвердил новое

Положение об аспирантуре [32]. С этого времени она стала основной формой подготовки преподавательских и научных кадров и организовывалась только при тех вузах и НИИ, которые были обеспечены высококвалифицированными научными руководителями и располагали соответствующей исследовательской базой. Устанавливались единые формы и методы аспирантской подготовки во всех научных центрах СССР независимо от их ведомственной подчиненности. Обозначенные подходы к функционированию аспирантуры дали свои положительные плоды.

Советское государство значительно продвинулось вперед в решении проблемы создания новой научной интеллигенции. Были выработаны формы и методы, определены организационные и методологические подходы к повышению научной квалификации в Беларуси. Жесткий курс на воспитание и подготовку научных кадров из среды трудящихся находил выражение в классовом отборе кандидатов, в приспособлении методики обучения к особенностям новой аудитории, создании благоприятных условий для выходцев из рабочей и крестьянской среды, из числа коммунистов и комсомольцев. Преимущественное внимание к профессорско-преподавательским кадрам по общественным наукам – их подготовке, распределению, деятельности, научному росту – являлось отражением этой же закономерности. В тех условиях воспитание научной молодежи на принципах марксизма-ленинизма было стержневым направлением партийной линии. Это было важнее, чем степень овладения той или иной узкой специализацией.

Быстрый, исторически неоправданный рост численности аспирантов (в начале 1929 г. он составлял 124 чел., в 1930 г. – 260, а на 1 января 1934 г. прием включал 485 чел. – при этом только в осенний период 1933 г. намечалось принять 100 чел. [16, л. 1–3об]) при слабости материальной базы научных центров приводил к тому, что практически лишь единицы в процессе обучения смогли получить искомую степень. Ежегодно по республике не выполнялись планы приема в аспирантуру. Нередко аспиранты переводились на другие специальности, в научные работники, их часто направляли в длительные командировки. Почти все из них совмещали учебу с работой в разных учреждениях. Отдельные институты, исходя из производственной необходимости, не давали возможность сотрудникам повышать квалификацию. В письме в Институт аспирантуры БАН руководство Белорусского государственного водно-мелиоративного института в 1931 г. «категорично протестовало против зачисления ассистента по кафедре общественно-политических наук тов. Моргунова аспирантом, потому что нагрузка по кафедре 1730 часов и больше специалистов нет» [34, л. 275]. Погоня за количественными показателями приводила к ослаблению требований к учебной и научной подготовке молодых ученых.

В Академии наук концентрировалось обучение специалистов по математике, физике, химии, геологии, биологии, истории, философии, литературоведению, языкознанию и др.; в НИИ промышленности – по

технологии промышленности; в НИИ сельского хозяйства – по агрономии. В вузах готовились аспиранты, исходя из профиля учебного заведения. Представление о содержательной части аспирантуры 1930-х гг. дает «Программа подготовки аспиранта И.Д. Юркевича [5] при кафедре общего лесоводства Белорусского лесотехнического института с 20. 02.1930 г. по 20. 02.1931 г.», выявленная в Национальном архиве Республики Беларусь. В ней шесть разделов и список необходимой литературы [18, л. 18–20]. Распределение занятий устанавливалось следующее: общественно-политические дисциплины – 20%, специальная подготовка – 65%, педагогика – 5%, иностранные языки – 10%. Производственная практика занимала 25–33% от всей подготовки [18, л. 21]. Структура подготовки включала: а) работу со специальной литературой (20 наименований); б) овладение методикой научно-исследовательской работы (4 пункта); в) педагогическую работу (летние практические занятия по лесоводству). На 1931 г. были определены: а) работа со специальной литературой (37 наименований) и литературой по методике исследования (20 ед.); б) участие в типологических экспедициях по изучению лесов БССР, экскурсии, а также командировки и участие в научно-исследовательских съездах (6 пунктов). Был приложен подробный календарный план на учебный год [18, л. 21].

Развернутая программа подготовки аспирантов-биологов в Институте аспирантуры БАН (1931) включала: I курс – семинары по теоретической экономике; марксистско-ленинской методологии; педпрактику по теории экономики; участие в работе товарищества марксистов-экономистов; овладение иностранными языками; высшую математику. II курс – семинар по теории империализма; работа над темой по специальности; производственная практика в НИИ; иностранный язык; вспомогательные дисциплины (статистика, болотоведение, технологический минимум). III курс – работа в тематическом семинаре по конкретным сельскохозяйственным проблемам; годовая практика научно-исследовательского характера; педпрактика в экономических вузах по специальным экономическим дисциплинам; иностранный язык (второй к концу 3 года обучения) [13, л. 9].

Как видно, обе программы имели достаточно конкретный характер и целевую направленность. Однако не все аспиранты могли выдержать требования, предъявляемые к подготовке высококвалифицированных кадров. Академия наук была не в состоянии обеспечить руководителями семинары по всем специальностям (за исключением политической экономии, теории империализма, белорусского языка, истории Запада, учения о государстве и др.). Схожая картина наблюдалась практически по всем вузам и НИИ (Институт промышленности, пищевой промышленности, социалистического сельского хозяйства и др.) [28]. Все это на первых порах отрицательно сказывалось на системе профессиональной подготовки, вело к значительному отсеву из аспирантуры (по Академии наук, например, в 1933 г. – 50 чел.) [28]. Сильный идеологический пресс во многих случаях мешал полноценно и объективно осваивать поле научного познания. В отчете о

выпуске аспирантов БАН (1932) говорилось: «Главное внимание в академической учебе направлено на овладение методологией марксизма (а не специальностью – Г. К.). Все аспиранты были охвачены семинарами по изучению диалектического материализма. Слабым местом подготовки научных работников было отсутствие у них марксистского метода, потому что научные силы готовились буржуазными профессорами. Даже получив хорошие знания по специальностям, прослушавшие курс аспирантуры в большинстве своем не умели не только решать научные проблемы, но даже не умели их правильно поставить. В результате годовой работы в институте 75 процентов аспирантов очень много успели по овладению марксистским методом. Они получили в руки ключ для успешной работы по специальностям...» [35, л. 106]. Многие аспиранты активно вскрывали остатки «контрреволюционного национал-демократизма» во время чистки аппарата Академии, проверки и критики ее научной работы. Классовый подход часто отсекал талантливую молодежь «не пролетарского происхождения», что порождало серьезные проблемы при зачислении в аспирантуру. Порой это становилось сдерживающим фактором формирования кадрового корпуса. И сколько судеб при этом было сломлено, скольких наука не получила своих целеустремленных дочерей и сыновей!

Большинство аспирантов довоенного периода, сталкиваясь с объективными и субъективными негативными факторами, были слабо подготовлены для творческой деятельности и не защищали кандидатские диссертации. С 1931 по 1935 г., к примеру, в академическую аспирантуру было зачислено 457 чел., из них ее окончили 154, но диссертации защитили только 23 чел. [35]. Аспирантской подготовке не уделялось должного внимания, а многие принятые решения не выполнялись. «Пожалуй, ни в одной области нашего строительства мы не наблюдаем такого беспорядка и такой стихийности, как это мы видим в деле подготовки научных работников. До настоящего времени Госплан БССР не имеет ни годового, ни пятилетнего перспективного плана подготовки научных кадров. Не имеют его и другие органы. Планирование здесь отсутствует полностью. Между тем, проблема научных кадров, как во всем Советском Союзе, так в особенности и в БССР, является самой острой и в то же время самой сложной проблемой, над которой нужно прежде всего серьезно работать», – писал вице-президент БАН В.К. Щербаков [40, с. 40]. К тому же в самой подготовке имелось много схоластики, часто одной книжной учебы. Отсутствовали профили специальностей, по которым необходимо вести подготовку (сюда следует отнести индустриально-техническую область, социальную гигиену, частично геологию). Распределение аспирантов делалось без учета потребности в научных работниках. Большая нагрузка будущих ученых разными административными поручениями отражалась на качестве их учебы. Нередко в вузах 25–30 % аспирантов занимались организационной работой, а нагрузка лекциями превращала их в обычных «совместителей» и для теоретической подготовки у них просто не было времени. Не хватало средств для работы аспирантов, командировок, закупок

необходимого оборудования. Отягачали положение тяжелые бытовые условия.

Со второй половины 1930-х гг. наметился спад общего приема в аспирантуру на степень кандидата наук в АН БССР, а также началось физическое уничтожение аспирантов в условиях массовых политических репрессий. Так, если в 1934 г. в академической аспирантуре обучалось 139 чел., в 1937 г. – 18, то в 1938 г. – только 6 (был ликвидирован даже отдел подготовки научных кадров) [19, с. 186; 36, л. 126]. В БГУ в 1935 учебном году насчитывалось всего 19 аспирантов (10 чел. – 1 года и 9 чел. – второго), тогда как по состоянию на 25 октября 1930 г. было 87 [15, л. 7; л. 1–4]. Аналогичное положение наблюдалось по другим научным учреждениям. На 1 октября 1938 г. в Беларуси имелось всего 109 аспирантов, а их численность по сравнению с 1933 г. (432 чел.) уменьшилась в 4 раза [10, с. 243; 6, с. 106–107]. В постановлении бюро ЦК КП(б)Б от 17 декабря 1937 г. «О ликвидации вредительства в Институте истории партии при ЦК КП(б)Б» прямо говорилось, что на многих людей, которые находятся в аспирантуре, имеются компрометирующие материалы, и в связи с ее не укомплектованностью преподавательским составом предлагалось организовать новый набор. Но в следующем году Истпарт прекратил свою деятельность в качестве самостоятельного учреждения. Разгром интеллектуальных сил был столь мощным, что ХУП съезд КП(б)Б в резолюции по отчету ЦК признал первоочередной задачей «полностью восстановить аспирантуру и развернуть ее сеть» [9, с. 264].

Тяжелейшие 1930 годы в истории белорусского общества негативно сказались на динамике роста и качественного приращения кадрового потенциала. Однако именно тогда были сделаны первые самые трудные шаги в формировании национальной системы подготовки молодых сил. И хотя численность квалифицированных специалистов являлась недостаточной для народного хозяйства, науки, образования в силу различных объективных и субъективных факторов, но заложенная система в дальнейшем способствовала крупным изменениям в количественном, возрастном, национальном составе научной интеллигенции.

Литература и источники

1. Аб навуковых кадрах // Звезда. – 1931. – 28 верасня.
2. Агееў, Я. Падрыхтоўка навукова-даследчых кадраў сельскай і лясной гаспадаркі БССР / Я. Агееў // Сельская і лясная гаспадарка. – 1930. – № 2–3. Кн.10;
3. Вяршчук, В. Да пытання аб падрыхтоўцы кадраў / В. Вяршчук // Камуністычнае выхаванне – 1930.– № 4;
4. Звезда. – 1931. – 24 верасня.
5. И.Д. Юркевич окончил Белорусскую сельскохозяйственную академию в 1930 г. С тех пор вся его трудовая жизнь тесно связана с развитием лесного хозяйства. Он прошел путь от ассистента, доцента, профессора до академика НАНБ (1956), заслуженного деятеля науки

республики. Ему первому суждено было в широком плане организовать научные исследования в Беларуси в области геоботаники, возглавить их и создать геоботаническую школу.

6. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства БССР. – Минск : Госплан БССР, 1933. – 162 с.
7. Ітогі першай пяцігодкі БССР. – Менск : Дзяржвыд., 1934. – 116 с.
8. Как важно суть вещей познать...: интервью с юбиляром, академиком Н.С. Козловым // Вечерний Минск. – 1977. – 17 мая.
9. КПБ в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 3. – Минск : Беларусь, 1985. – 551 с.
10. Культурное строительство СССР. Стат. сб. – М.-Л.,: Госпланиздат, 1940. – 276 с.;
11. Мазур, Г. Становішча Горацкай Сельскагаспадарчай акадэміі / Г. Мазур // Камуністычнае выхаванне. – 1930. – № 7–8.
12. Матэрыялы да справаздачы ЦК КП(б)Б XII з'езду КП(б)Б. – Менск : Белдзяржвыд, 1929. – 176 с.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 16.
14. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 369.
15. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 633; Д. 454.
16. НАРБ. – Ф. 215. – Оп. 1. – Д. 1.
17. НАРБ. – Ф. 218. Оп. 1. Д. 249.
18. НАРБ. – Ф. 756. – Оп. 1. – Д. 13.
19. Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. II. – Мінск : Беларусь, 1995. – 359 с.;
20. Национальная академия наук Беларуси. Персональный состав, 1928–2008. – Минск : Белорус. наука, – 2008. – 376 с.
21. Палажэнне аб аспірантуры // Звязда. – 1929. – 28 верасня.
22. Пракапчук, А.Л. Растуць якасна і колькасна кадры навуковых работнікаў БССР / А.Л. Пракапчук // Звязда. – 1931. – 20 кастр.;
23. Сводный финансовый план и государственный бюджет БССР на 1931 г. – Минск : НКФ БССР, 1930. – 336 с.
24. СЗ БССР. – 1931. – № 1. – Ст. 11.
25. СЗ БССР. – 1932. – № 66. – Ст. 9–11.
26. СЗ БССР. – 1933. – № 24. – Ст. 10.
27. СЗ БССР. – 1933. – № 26. – Ст. 16.
28. СЗ БССР. – 1934. – № 45. – Ст. 222.
29. СЗ СССР. – 1934. – № 3. – Ст. 30.
30. СЗ СССР. – 1937. – № 21. – Ст. 83;
31. СЗ СССР. – 1938. – № 21. – Ст. 134.
32. СЗ СССР. – 1939. – № 23. – Ст. 140.
33. Стасевич, Б. О подготовке научных и технических кадров / Б.Стасевич // Рабочий. – 1929. – 20 июня.
34. Центральный научный архив (ЦНА НАНБ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1.
35. ЦНА НАНБ. – Ф. 1 б. – Оп. 1. – Д. 100.

36. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 50.
37. Шчарбакоў, В. Праблема навуковых кадраў у БССР / В. Шчарбакоў // Савецкая краіна. – 1931. – № 1.
38. Шчарбакоў, В. Вынікі дзейнасці Бел АН за 1935 г. і задачы на 1936 г. / В. Шчарбакоў // За пралетарскую навуку. – 1936. – 4 лютага.
39. Шчарбакоў, В. Падцягнуцца у навукова-даследчай рабоце / В. Шчарбакоў // Камуністычнае выхаванне. – 1930.– № 3.
40. Щербаков, В.К. БССР и новые кадры / В.К. Щербаков // Фронт науки и техники. – 1931. – № 4–5.
41. Яворскі, А. Праблема навуковых кадраў / А. Яворскі // Камуністычнае выхаванне. – 1931. – № 3.

Анатацыя

Карзенка Г.У. Кадровая палітыка ў навуцы Беларусі: метадалогія і практыка 1930-х гадоў.

Ключавыя словы: навуковыя кадры, прафесарска-выкладчыцкі склад, сістэма падрыхтоўкі, аспірантура, дынаміка росту, метадалогія.

Разглядаюцца асаблівасці фарміравання нацыянальнай сістэмы падрыхтоўкі кадравага патэнцыялу навукі ў 30-я гады ХХ в. Паказана дзейнасць партыйных і дзяржаўных органаў па змяненню колькаснага і якаснага складу, іх выхаванню. Устаноўлена месца і роля аспірантуры ў станаўленні маладых навукоўцаў. Яна з'яўлялася асноўнай формай, якой надавалася прыярытэтнае развіццё ў краіне. Выдзелены аб'ектыўныя і суб'ектыўныя фактары, якія негатыўна адбываліся на яе эфектыўнасці.

Summary

Korzenko G.V. The Personnel Policy in Research in the Republic of Belarus: Methodology and Practical Experience of 1930s.

Key words: scholars; teaching staff; training system; PhD studies; development dynamics; methodology

The peculiarities of formation of the national system of scholars' training in the 30s of the XXth century is considered in the article. The activity of the state structures concerning changes in the number of young scholars and quality of their training and upbringing is revealed. The article defines the role of PhD studies for young scholars. It is this form of postgraduate education that was provided by the high-priority support of the government. Besides, the author points out objective and subjective factors that affected the growth rate of this support.